

Украинская военно-медицинская академия
Восточно-европейская академия психотерапии
им. Принца А.Л. Ольденбургского. Военный факультет

О.Г. СЫРОПЯТОВ

**МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ**

(Учебно-методическое пособие)

Олег Геннадьевич Сыропятов
Медико-психологическое
сопровождение специальных операций

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4953100*

*Медико-психологическое сопровождение специальных операций / О. Г. Сыропятов.: Издавец О. Т.
Ростунов; Київ; 2013
ISBN 978-966-675-711-4*

Аннотация

Медико-психологическое обеспечение спецопераций рассматривается в соответствии с международным опытом локальных войн и использованием ограниченного воинского контингента в миротворческих целях.

Пособие предназначено для слушателей военно-медицинской академии, военных врачей и военных психологов.

Содержание

Введение. Отличительные признаки подразделений специального назначения и психология войны	5
§ 1. Специфика деятельности подразделений специального назначения	5
§ 2. Психология войны	8
§ 3. Характеристика психо-эргономических условий действий войск в локальных военных конфликтах	13
§ 4. Медико-психологическое обеспечение деятельности военной разведки	16
Рекомендованная литература	18
Глава 1. История создания войск специального назначения	19
§ 1. История создания спецназа в США	19
§ 2. «Спецназ России»	24
§ 3. Спецназ ГРУ ГШ ВС РФ	27
Литература	27
§ 4 Концепция специальных операций по взглядам командования НАТО	28
Реформирование сил специального назначения	31
Традиционные задачи сил специального назначения	32
Эволюция доктрины использования специальных сил	33
Оперативное развитие	33
Наращивание численности	34
Создание малых специализированных подразделений	35
Девальвация спецназа	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Геннадьевич Сыропятов

Медико-психологическое сопровождение специальных операций

Украинская военно-медицинская академия

Восточно-европейская академия психотерапии им. Принца А. П. Ольденбургского.

Военный факультет

Рецензенты:

Румянцев Ю. В. – полковник м/с, доктор медицинских наук, профессор, начальник
ВМИ УВМА;

Оседло В. И. – полковник, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры
Национального университета обороны Украины.

Введение. Отличительные признаки подразделений специального назначения и психология войны

*«Горько заплачут в будущем те государства, которые недооценивают значения тайной разведки в период мира!»
генерал-майор ГШ Русской императорской армии Н.С.Батюшин*

§ 1. Специфика деятельности подразделений специального назначения

Специфика деятельности подразделений специального назначения откладывает свой отпечаток на подразделения данной категории внутри министерства, ведомства, армии или флота, в зависимости от его ведомственной принадлежности. Деятельность каждого такого подразделения СпН закреплена отдельным нормативно-правовым актом. Особые функции требуют более специфического вооружения, оснащения, оборудования, транспорта, что сказывается на более высоком финансировании в отличие от других подразделений. Уровень боевой подготовки требует наличия усиленной учебной базы, отдельных учебных центров и особого медико-психологического сопровождения. Можно выделить следующие отличительные особенности подразделений спецназа:

- Профессиональный статус – как правило, в спецвойсках служат по контракту, заключаемому на срок не менее пяти лет, что объясняется высокой стоимостью обучения и подготовки военнослужащих спецназа[3].

- Высокий уровень моральной, психологической, идеологической, физической и боевой подготовки личного состава. Подразделения специального назначения, как правило, выполняют задачи в специфических условиях, что требует высокого уровня подготовки.

- Наличие специальных средств обороны и нападения. Подразделения спецназа имеют вооружение, оснащение и транспорт с узконаправленными характеристиками, более высокими, чем у тех, которые имеются в отраслевом ведомстве по штату. Это обусловлено, опять-таки, задачами, возложенными на подразделения специального назначения.

- Кроме того, подразделения специального назначения имеют средства узконаправленного действия (к примеру, специальные средства разведки, специальные штурмовые средства).

- С учётом того, что подготовка личного состава подразделений специального назначения имеет более высокие расходы, возникает необходимость более высокого обеспечения безопасности, что требует наличия более технологичных средств защиты, обеспечения жизнедеятельности и эвакуации.

- Способность выполнять задачи автономно в экстремальных условиях. Ввиду необходимости добывания разведданных о противнике, самым эффективным способом является заброска групп специального назначения в глубокий тыл противника, где расположены наиболее важные объекты инфраструктуры противника, а, следовательно, содержащие наиболее полную и ценную информацию об объекте или событии, интересующем командование регулярных частей. Так как транспортировка групп специального назначения непосредственно к интересующим их объектам невозможна, ввиду усиленной охраны наиболее важных стратегических объектов противника, находящихся в значительном удалении от

линии фронта, группы специального назначения вынуждены преодолевать расстояние от своей территории до объектов пешком, передвигаясь вдали от населённых пунктов, дорог, и линий обороны. Как следствие операция может длиться очень длительное время, что подразумевает доставку всей экипировки и снаряжения на себе, включая провизию.

• Большая автономность групп специального назначения и их навыки действия в экстремальных ситуациях необходимы им при проведении диверсий. Ввиду малочисленности групп специального назначения, они обязаны уметь сражаться с гораздо большей эффективностью, чем бойцы регулярных частей, так как бойцы спецназа в большинстве случаев не имеют возможности вызвать подкрепление или отойти к укрепленным позициям, ввиду отсутствия таковых в глубоком тылу противника. Также экстремальность условий выполнения ими заданий обусловлена повышением активности сил противника после проведения диверсий, а как следствие бойцы вынуждены искать средства и способы возвращения в свой тыл находясь в очень узких временных рамках.

Вместе с тем, следует отметить, что приведенные выше отличительные признаки являются весьма относительными, и построены, в большей степени, на стереотипах, сложившихся под воздействием популярной культуры и средств массовой информации.

Так, очевидным представляется наличие специфического вооружения, оснащения и учебной базы абсолютно в любом роде войск, службы и ином подразделении, и, как следствие, необходимость высокого финансирования таких подразделений, в зависимости от его предназначения и характера выполняемых задач, а не только в подразделениях специального назначения. Пример: военно-морские силы имеют специфическое вооружение, для действий на море, и, в силу своей высокой технологичности, требуют серьезного финансирования и учебно-материальной базы для длительной и тщательной подготовки личного состава.

Вопреки приведенному утверждению, что «как правило, в спецвойсках служат по контракту», достаточно привести примеры из практики советских, а затем и российских вооруженных сил, в которых части и подразделения специального назначения комплектовались по призыву, на общих основаниях. Такая же практика сохраняется в Китае, а также практически во всех армиях государств, в которых применяется воинская обязанность. Во многом это обусловлено **необходимостью подготовки мобилизационного резерва** для диверсионно-разведывательных подразделений на случай войны. В связи с этим, какого-либо общего «правила» для комплектования подразделений спецназа, не существует. Кроме того, не следует путать такие понятия как войска «специального назначения» и «специальные войска».

Высокий уровень моральной, психологической, идеологической, физической и боевой подготовки личного состава требуется для всех составных частей вооруженных сил и правоохранительных органов, поскольку каждое подразделение предназначено для действий в специфических для него условиях и без перечисленных факторов невозможно успешное выполнение поставленных задач.

В СССР термин «специального назначения» применялся еще в 1930-е годы. К моменту создания в 1950-м году диверсионно-разведывательных подразделений, в стране уже существовали Полк специального назначения (Кремлевский полк) и другие части, помимо частей особого назначения, имевшихся, в частности, в составе внутренних войск. Очевидно, понятие «специального назначения» изначально стало применяться в названиях частей и подразделений, предназначенных для выполнения определенных секретных задач, перечень которых существенно шире, чем специальная разведка.

В зависимости от ведомственной принадлежности, спецподразделения предназначены для решения следующих задач:

- Разведка, диверсионная деятельность.
- Контрразведка, антиверсионная деятельность.

- Антитеррористическая деятельность.
- Поиск, захват (арест) или уничтожение действующих террористов.
- Освобождение заложников.
- Обеспечение общественной безопасности.
- Охрана особо важных лиц или особо важных объектов.

Индивидуальная и коллективная боевая деятельность бойцов спецподразделений имеет свои особенности, однако к наиболее общим её характеристикам относятся следующие:

- своеобразие целей и результатов (уничтожение живой силы противника, разрушение его укреплений, техники, захват территории и т. д.);
- особый характер объекта – активно противодействующий противник, его боевая техника;
- экстремальный характер условий, в которых она протекает (опасность, внезапность и т. д.);
- осуществление целей с помощью практического применения таких средств, как оружие и боевая техника;
- крайняя интенсивность функционирования психики, необычайно высокое напряжение всех сил, вплоть до гипермобилизации;
- возникновение перегрузок и задач, превосходящих индивидуальные и групповые возможности;
- необходимость сочетания высокого уровня сознательного самоуправления воинов и своевременного управляющего воздействия командира.

§ 2. Психология войны

В трудных ситуациях современного боя могут наступить некоторые нежелательные психологические изменения в деятельности:

- смещение или потеря цели;
- нарушение соотношения между главными и второстепенными действиями;
- утрата психической устойчивости, возникновение различных психических изменений, вплоть до психопатологических расстройств;
- колебание эффективности, понижение точности движений и действий, нарушение их последовательности;
- ослабление боевой активности, появление отказов, срывов в работе.

Доминирующее, положение в структуре боевой деятельности принадлежит целям. Воины строят свое поведение в бою в зависимости от содержания поставленной цели, т. е. представляемого результата своих предстоящих действий. Цели могут быть ближайшими и более отдаленными. Ближайшая цель боевой деятельности воинов может заключаться в точном исполнении своих обязанностей по отделению, расчету, экипажу, взводу, группе в маневре, на поле боя, в огневом ударе по противнику и т. д. Отдаленная цель боевой деятельности – разгром врага, достижение полной победы над ним. Наряду с целями, боевые действия характеризуются мотивами – теми силами, которые побуждают воина к активности в условиях войны: потребности, чувства, желания, стремления, интересы, идеалы, убеждения и т. д. В мотивах боевой деятельности воинов концентрированно выражается направленность их личности, отношение к поставленной задаче, коллективу, к боевой обстановке и войне в целом.

Следует отметить, что мотивы выполняют в деятельности не только побуждающую, но и регулирующую и смыслообразующую функции. Боевая деятельность осуществляется с помощью определенных способов и приемов. Применять оружие и боевую технику личному составу приходится в специфических условиях, связанных с войной как таковой, – в опасной, полной неожиданностей и сильных воздействий обстановке, против активно действующего противника. Поэтому боевая деятельность – это насыщенная эмоциями, чувствами и другими психическими явлениями сложная форма взаимодействия с боевой обстановкой, требующая необычайно быстрых и гибких решений и способов. Добиваясь осуществления целей в бою, воинам необходимо учитывать особенности боевой обстановки, ее вероятные изменения, творчески использовать знания, навыки, умения, находить наиболее оптимальные приемы действий.

В военной психологии утвердилось понимание того, что психологический анализ боевой деятельности предполагает выявление и оценку: а) внешних ее условий, объекта, средств и результатов, их влияния на действия и психику; б) ее внутренних условий, целей, мотивов и способов; в) возможностей управления и самоуправления деятельностью.

Как свидетельствует опыт двух мировых войн XX века, полномасштабные войны отличаются от локальных военных конфликтов. Полномасштабная война оказывает влияние на все стороны жизни общества, затрагивает интересы каждого гражданина. Это влияние вызывает определенную ответную реакцию, как у каждого конкретного человека, так и у общества в целом. Меняется вся духовная атмосфера общества, особые черты приобретает образ жизни населения. Происходит концентрация всех материальных и духовных сил государства для обеспечения нужд войны. Усиливается централизация власти, роль политической и правовой надстройки общества. Идеологический аппарат государства переключается полностью на обеспечение целей войны.

Локальные военные конфликты, как показывает изучение, характеризуются более сложным переплетением социальных и социально-психологических явлений. Они чаще всего возникают между сторонами, находящимися в неравном экономическом и военном отношении. Одна из них, как правило, значительно сильнее другой, что позволяет ей надеяться на возможность достижения политических целей без вступления в полномасштабную войну (без перестройки экономики, режима социального функционирования и др.). Локальный военный конфликт не затрагивает большей части общества и не требует привлечения значительных сил и ресурсов. Если войны порождаются глубинными экономическими причинами или неразрешимыми политическими противоречиями, то в этиологии локальных военных конфликтов на первый план выступают частные факторы, связанные с территориальными, этническими, религиозными и иными противоречиями. Как показал опыт локальных конфликтов в Афганистане и Чечне, сторона, которая считает себя подвергшейся вооруженному посягательству, априори обладает рядом преимуществ в мотивационных составляющих противостояния. Эта мысль отчетливо звучит в Полевом уставе сухопутных войск США РМ 33-1 «Психологические операции». В нем подчеркивается, что причиной поражения американцев во Вьетнаме является недооценка «внутреннего фактора», пренебрежение кропотливой и настойчивой работой среди соотечественников. В результате мощной антивоенной кампании, развернутой в стране оппозиционными силами, сама цель войны, а вместе с ней и американская армия были полностью дискредитированы. Происходящие в обществе социально-психологические процессы, оказывают сильное влияние на психологию непосредственных участников локального военного конфликта. На наличие такой связи указывали военные психологи и практики еще на заре создания военно-психологической науки. В 1892 г. русский исследователь М.В. Зенченко, исследуя «нравственные силы» бойца, сделал три вывода: 1) личность воина производна от общественных условий; 2) армия есть верная копия государства, миниатюра, зеркало его со всеми достоинствами и недостатками; 3) для мощи войск необходимы симпатии всего населения; 4) никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в Отечестве. Таким образом, почти столетие назад, в военно-психологической науке сформулирован своеобразный социально-психологический закон, отражающий взаимосвязь между состоянием психологии общества и его армии. Он гласит, что **основной источник морально-психологического состояния воюющей армии находится не внутри ее, а в обществе, интересы которого она защищает**. Сказанное реализует действие еще одной закономерности войны. Она, как показывает изучение, состоит в следующем: **«От того, какой образ потенциального или реального конфликта сложился в общественном сознании и какое место в нем отведено армии, в значительной степени зависит возможность привлечения широких социальных мотивов для побуждения военнослужащих к активным боевым действиям»**. Очевидно, что при отсутствии общественной поддержки военной акции, проявлении антивоенных настроений и попыток возложить вину за возникновение, течение и результаты военного конфликта на армию, возможности возбуждения у личного состава таких мотивов, как патриотизм, конституционный долг, национальные интересы, ненависть к врагу становится весьма проблематичным, а порой и невозможным. Локальные военные конфликты, как правило, не сопровождаются изменением режима жизнедеятельности общества и введением военного положения. В результате не всегда принимаются необходимые дополнительные меры по усилению безопасности населения. Это дает возможность противной стороне для проведения эффективных психологических акций. Так, например, чеченскими специалистами психологических операций были спланированы и проведены акции, оказавшие заметное влияние на ход боевых действий федеральных войск. Среди них можно назвать такие, как: побуждение солдатских матерей к массовому походу в регион ведения боевых действий; распространение слухов о визитах

боевиков в семьи военнослужащих; муслирование информации о широком участии в боевых действиях против федеральных войск профессионалов из многих стран мира, профессиональных спортсменов-снайперов; диверсионно-психологические акции в гг. Буденовке и Кизляре. В купе с диверсиями, осуществленными боевиками на железных дорогах, в транспорте и в метро, перечисленные действия во многом способствовали усилению антивоенных и антиармейских настроений среди населения.

Таким образом, в социально-психологической сфере локального военного конфликта устойчиво проявляется ряд проблем, которые требуют обязательного учета при организации психологического обеспечения боевых действий. Основными из них являются: **1) расслоение общества на сторонников, противников военного решения назревших проблем и тех, кто проявляет безразличие к происходящим событиям; 2) это расслоение не позволяет активно задействовать в интересах боевой мотивации военнослужащих такой мощный фактор, как социально-психологическое единство общества; 3) следствием расслоения является то, что некоторые политические силы осуществляют интенсивное информационно-психологическое давление на руководство страны, вооруженных сил и на военнослужащих, участвующих в конфликте; 4) «сильная» сторона в военном конфликте, чаще всего, делает упор на силовое разрешение военного конфликта, оказывающееся малоэффективным, упускает рычаги идеологического и психологического влияния на противника и население; 5) «слабая» сторона, впитывая амбиции элитных групп, окрашенные этническими, религиозными и другими легко усваиваемыми идеями, оказывается психологически более подготовленной к решительным действиям, сплоченной и целеустремленной; 6) применение военной силы в конфликте оправдано и эффективно лишь в контексте политических, идеологических, экономических и иных мер. То есть «сильной» стороне выгоднее вести военный конфликт как войну, а «слабой» – как затяжной локальный конфликт.**

История войн и военного искусства, опыт боевых действий наших войск свидетельствуют о том, что неправильная тактическая и психологическая оценка противной стороны влекут искажения во всех других психологических составляющих боевой деятельности в локальном военном конфликте (цель, мотивы, средства, способы, состояния). Свидетельством этому может быть сравнение *целей и стратегий* сторон в локальном военном конфликте в Чечне.

«Слабая сторона» преследует, прежде всего, психологические цели, ведущие к ослаблению противостоящих сил. Преимущества ее в том, что она ставит войска противника в непривычные для них условия, принуждает к выполнению несвойственных им функций, применению неосвоенных способов боевых действий. Противники российских войск в Афганистане и Чечне часто использовали тактику действий боевых и диверсионных групп, отличающуюся выраженной деятельностной и психологической спецификой. Например, в Чечне такие группы, как правило, состояли из лиц, связанных тесными родственными и земляческими узами, знающих друг друга с детства, подобранных с учетом боевого и жизненного опыта, действовавших на протяжении всей военной кампании рука об руку. Ведущими мотивами рядовых участников таких групп были: убежденность в правоте своей борьбы, врожденное стремление к свободе, гнев и месть за убитых родственников. Все это обуславливало высокую сплоченность и боевую слаженность боевых формирований.

Среди способов действий противника преобладали засады, налеты, диверсии, поиск, рейд, то есть методы, характерные для войск специального назначения. По оценкам специалистов такие способы вооруженной борьбы в локальном военном конфликте имеют целый ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными. Достаточно сказать хотя бы о том, что эффективность поражения огнем стрелкового оружия в налетах и засадах повышается в 4–7 раз, гранатометов и огнеметов в 16–30 раз, мин и минно-взрывных заграж-

дений в 60–75 раз. Борьба с диверсионными подразделениями требует значительно больше сил и средств, чем ведение боевых действий с равными по численности общевойсковыми подразделениями. Это объясняется тем, что действия таких групп не связаны с удержанием каких-либо объектов, рубежей, районов.

Аналогичное положение наблюдалось и в большинстве других военных конфликтов. Ярким подтверждением этому служит оценка боевых действий израильской армии в ходе военного конфликта в Ливане (1982 г.), данная американскими специалистами. Она гласит: «Местность способствовала обороне, а войска оказались не готовы воевать в городских и горных условиях. Боевые действия показали, что мало внимания уделялось обучению пехоты самостоятельным действиям в пешем строю в течение длительного времени... Несостоятельными оказались тактические приемы, предусматривающие опережающее действие танков. Основную часть тяжести продвижения вперед в горных и городских условиях вынуждены были взять на себя мелкие пехотные подразделения... В ряде случаев оказались неэффективными традиционные способы управления подразделениями в бою». Несоответствие между моделью боевых действий, создаваемой в ходе боевой и психологической подготовки, и боевой реальностью проявляется в пространственно-временных, динамических и иных показателях. Наглядным примером этому может служить применявшаяся афганскими моджахедами тактика боевых действий в дефиле и ущельях. Она сводилась к следующему. По вошедшей в ущелье колонне советских войск с расстояния 2–3 км производилось несколько демонстративных выстрелов. В ответ нашими бойцами открывалась интенсивная и, нередко беспорядочная, стрельба по обозначенным противником позициям. В это время, хорошо замаскированные снайперы противника с небольших расстояний по существу в упор расстреливали наших военнослужащих. В результате среди участников боевых действий в Афганистане длительное время был распространен миф о сверхъестественной меткости моджахедов и сверхъестественных возможностях их оружия. Это, в свою очередь, подрывало веру в свои силы и возможности своего оружия.

Следует отметить, что в тех случаях, когда в боевых действиях принимали участие подразделения специального назначения федеральных войск, применявшие специальную тактику борьбы, положение резко изменялось в их пользу.

Практика боевых действий в локальных военных конфликтах показывает, что условия выполнения боевых упражнений и реальная боевая обстановка существенно различаются в визуальном, моторном, организационно-деятельностном плане. Поле боя в военных событиях такого рода практически пустынно. И главнейшей задачей бойца становится обнаружение противника. Люди перемещаются по опасным участкам на скорости 4–5 м/сек., по сложным траекториям. Время их передвижения от препятствия к препятствию составляет, как правило, не более 5 секунд. К тому же в ходе таких перебежек бойцы ведут интенсивный огонь по противнику и др.

Вследствие несовпадения визуальной и операциональной картины боя с имеющимися у военнослужащих представлениями возникает несколько психологических феноменов. Во-первых, реальный уровень огневого мастерства военнослужащих в бою оказывается настолько низким, что порой не позволяет успешно решать поставленные задачи. Это происходит потому, что военнослужащие не обучены быстрому обнаружению, опознаванию и поражению реальных боевых целей. Во-вторых, на фоне приличного огневого мастерства противника, свои неудачи создают основу для возникновения у участников боевых действий недоверия к собственным способностям и возможностям своего оружия. Изучение боевого опыта войск показывает, что неуверенность в собственных силах закономерно нарастает у военнослужащих еще и в связи с тем, что имеющиеся в их распоряжении оружие и специальные средства часто оказываются малоэффективными в условиях локального военного конфликта. На примере боевых действий в Панаме, Могадишо (Сомали), Сараево (Босния

и Герцеговина), Кабуле (Афганистан), Грозном (Чечня) можно предположить, что решающие сражения грядущих военных конфликтов будут происходить в крупных городах. Бой в городе имеет выраженные тактические и психологические особенности. Военнослужащие, действуя в колоннах, постоянно натываются на подбитую противником боевую технику, на трупы своих сослуживцев, боевиков и мирных жителей, наблюдают картину разрушений. В городских условиях регулярные силы утрачивают свое преимущество в численности, мобильности, огневой мощи и обладании высокотехнологичным оружием. Здесь существенно возрастает роль нетрадиционного (бутылки с горючей смесью, самодельные минно-взрывные устройства и др.) и морально устаревшего оружия (например, РПГ).

Важное место в психологическом анализе специфики боевых действий войск в локальных военных конфликтах занимает их *результат*. Результатом боевой деятельности выступают победа или поражение. Еще в выполненных в начале XX века исследованиях Н.Н. Головина и В.Н. Полянского, показано, что победа и поражение в бою величины психологические. Их предметное содержание составляют не столько захваченные (оставленные) рубежи и районы, физически уничтоженный враг (потери в своих войсках), сколько состояние души, психологическое ощущение наступления этого события, признание себя победителем или побежденным.

Неадекватное представление военнослужащих о потенциальном противнике, тактике его действий и боевых возможностях, незнание социальных, политических и психологических условий боевой деятельности, овладение в процессе боевой подготовки нерелевантными для локальных военных конфликтов приемами и способами действий, несоответствие параметров оружия и боевой техники требованиям боя оказывают негативное влияние на мотивацию, боевую активность, боеспособность и психические состояния личного состава.

§ 3. Характеристика психо-эргономических условий действий войск в локальных военных конфликтах

Психо-эргономические особенности отражают специфику влияния внешних (природно-географических, погодно-климатических, технико-технологических) обстоятельств и режима боевой деятельности (продолжительности, интенсивности, частоты столкновений с противником, используемых средств вооруженной борьбы) на психологическое состояние противоборствующих сторон. Подавляющее число отечественных и зарубежных исследователей среди эргономических факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на боевые действия войск, выделяет: продолжительность пребывания военнослужащего в боевой обстановке, интенсивность боевых действий, фактор изоляции от основных сил, чередование деятельности, отдыха и сна, влияние природно-географических и погодно-климатических условий, приспособленность боевой техники к физиологическим и психологическим свойствам людей. Изучение показывает, что перечисленные факторы в локальных военных конфликтах имеют выраженные особенности.

Существенное отличие состоит, прежде всего, в *продолжительности пребывания военнослужащих в зоне боевых действий и частоте боевых контактов с противником*. Эти характеристики оказывают заметное влияние на процесс боевой адаптации военнослужащих и развития у них боевого стресса и психических расстройств.

Наиболее полное исследование зависимости боевой адаптации и динамики психологических возможностей военнослужащих, в зависимости от времени их пребывания на передовой в условиях непосредственного контакта с противником, мы находим у Е. Динтера и Р.А. Габриэля.

Немецкий исследователь Е. Динтер выявил своеобразную закономерность, гласящую, что процесс адаптации к боевым действиям длится примерно 15–25 суток, к истечению которых военнослужащий достигает пика морально-психологических возможностей. После 30–40 суток непрерывного пребывания в непосредственном соприкосновении с противником, по данным исследователя, наступает их быстрый спад, связанный с истощением духовных и физических сил. Исходя из этого, Е. Динтер считает, что пребывание воинов на передовой не должно превышать более 40 суток.

Р.А. Габриэль описывает процесс приспособления военнослужащих к боевой обстановке в виде поэтапного нарастания у них боевой усталости и утраты боеспособности. Автор выделяет четыре таких этапа. На первом этапе воины, попавшие в боевую обстановку, испытывают перевозбуждение, страх, утрату боевых навыков. Симптомами то угасающего, то вновь обостряющегося страха являются увеличивающаяся частота мочеотделения, понос, острые приступы жажды, отказ от пищи, вплоть до анорексии – отсутствия аппетита, когда пища не усваивается, а извергается из желудка при рвоте. В случаях усиления опасности у воинов отмечаются повышенное потоотделение, нарушение координации движений, сильное дрожание конечностей и всего тела. Заметно снижается желание к общению с сослуживцами. Другими словами, резко усиливающиеся физиологические функции организма затрудняют воину возможность действовать. Этап обычно длится 5–7 дней. За это время значительное число военнослужащих подвергается воздействию боевого шока. Те из них, кто остаются в строю, приобретают уверенность в себе, в своем оружии, в товарищах, приобретают боевой опыт.

На втором этапе физиологические функции в меньшей мере влияют на поведение воинов в бою. В его временных рамках (до двух недель) отмечается пик боевых возможностей личного состава.

По истечении трех недель непрерывного пребывания на передовой начинается четвертый этап – процесс интенсивного нарастания боевого истощения. Солдаты утомляются даже после незначительной физической или психической нагрузки, теряют способность полноценно спать особенно в ночное время. Некоторые из них оказываются неспособными четко ориентироваться в боевой обстановке. К примеру, не отличают огонь своих войск от огня противника, приближающиеся разрывы снарядов от удаляющихся. Как общая тенденция отмечается нарастание агрессивности, злобы, чрезмерной осторожности. Четвертый этап пребывания на переднем крае (после тридцати суток участия в боевых действиях) характеризуется появлением чувства беспомощности и безнадежности, навязчивых представлений о собственной гибели или ранении. У военнослужащих развивается апатия, ослабевают память, ухудшаются качества внимания, регрессируют боевые навыки. Сознание практически полностью занято мыслями о доме и фатальной уверенностью в своей смерти. Даже самые опасные события не могут вывести воинов из состояния апатии.

Р.А. Габриэль завершает подробное исследование данного вопроса следующим выводом. Если после 45 суток непрерывного пребывания на поле боя военнослужащие не будут отправлены в тыл, они по своим психофизиологическим возможностям окажутся небоеспособными. Аналогичных позиций придерживаются американские психиатры Р. Свонк и У. Маршан. По их мнению, у 98 % военнослужащих, непрерывно участвующих в боевых действиях в течение 35 суток возникают те или иные психические расстройства.

Американские специалисты специально изучали зависимость боеспособности личного состава от продолжительности сна. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Зависимость боеспособности военнослужащих от продолжительности сна

Продолжительность сна в часах в сутки	Состояние боеспособности личного состава
0 часов	Сохраняется боеспособность к выполнению боевых задач в течение трех дней. На четвертый день весь личный состав выходит из строя.
1,5 часа	50% боеспособности военнослужащих сохраняется в течение 6 дней. К 7 дню из строя выходит 50% личного состава
3 часа	91% боеспособности воинов сохраняется свыше 9 дней

Американский военный специалист Б. Повер, подчеркивая, что умеренный сон помогает лучше преодолевать боевой стресс, указывает на его минимальную ежесуточную продолжительность: 4 часа для солдат и 6 часов для командиров. Отмечается, что у командира, принимающего решения, недостаток во сне скорее провоцирует развитие боевой усталости. Таким образом, *контроль за качеством сна воинов является важным средством сохранения боеспособности личного состава и, следовательно, задачей медико-психологического обеспечения боевых действий.*

Другой важной составляющей эргономических условий боевой деятельности войск в локальном военном конфликте является ее интенсивность.

Интенсивность боевых действий является важнейшим показателем их стрессогенности – способности вызывать у участников боевой травматический стресс. В исследованиях

Г.Л. Беленкина, Ш. Ноя, З. Соломона показано, что, в зависимости от выраженности этого показателя уровень психической травматизации («боевая психическая травма») может колебаться от 0 до 86 пунктов и составлять по отношению к физическим потерям значения от 0:100 до 86:100.

Боевой опыт указывает на наличие весьма важной тенденции: *отсутствие действенной медико-психологической помощи воинам в боевой обстановке, как правило, сопровождаются большим объемом посттравматических стрессовых расстройств*. Так, по оценкам американских специалистов, число ветеранов вьетнамской войны с отсроченным травматическим стрессом составило от 500 000 до 1500 000 человек. По данным российских психологов порядка 25 % участников военных событий в Чечне имеет симптоматику аналогичных расстройств и нуждается в психологической реабилитации. Отсюда следует сделать вывод: **низкий уровень психологических потерь войск в локальном военном конфликте не должен вести к снижению интенсивности и масштабов медико-психологической помощи и реабилитации военнослужащих.**

К числу эргономических аспектов боевых действий следует отнести и *степень изолированности* действующих на поле боя соединений и частей от основных сил. Опыт показывает, что боевые возможности изолированного от своих войск подразделения снижается на половину в течение 48 часов из-за усиливающегося страха.

Необходимо отметить, что эргономические обстоятельства боевой деятельности войск в локальных военных конфликтах накладывают заметный отпечаток на ее психологические компоненты. В первую очередь, влиянию эргономических факторов подвергаются психические состояния, интеллектуальные процессы, уровень боеспособности и активности. Заметным изменениям под их воздействием может подвергаться мотивационная сфера участников боевых событий. В силу этого *формирование и поддержание приемлемых для воинов психо-эргономических условий боевых действий составляет важную задачу их медико-психологического обеспечения. Они также обязательно должны присутствовать в виде соответствующих коэффициентов при расчете соотношения психологических возможностей противоборствующих сторон.*

§ 4. Медико-психологическое обеспечение деятельности военной разведки

Военная психология во многих странах мира ставит перед собой задачу психологически обеспечить деятельность военных разведок. Она конкретизируется в ряде следующих частных задач:

- разработка тестовых систем для оценки психологических качеств кандидатов в разведчики;
- психологический отбор кандидатов в разведслужбы и оценка их лояльности в ходе службы;
- психологическая подготовка разведчиков;
- психологическое обеспечение специальной подготовки сотрудников спецслужб;
- психологическая реабилитация разведчиков, переживших травматические ситуации;
- психологические аспекты вербовки агентов и др.

Разведывательная работа, по существу, работа психологическая. Она во многом сводится к противоборству интеллекта, внимания, памяти, смекалки, воли, выдержки, веры в свои силы и т. д. Известный американский разведчик Э. М. Захариас подчеркивал, что «психология играет выдающуюся роль. Она позволяет нам замечать и понимать характерные особенности тех, с кем мы имеем дело...».

Эффективность деятельности военных разведчиков в большой степени зависит от их личностных качеств, определяющих в целом их профессиональную надежность. В этой связи специалисты спецслужб обращаются с заказом к военно-психологической науке на разработку тестов, аппаратурных и других средств отбора и оценки лояльности кандидатов и действующих разведчиков и агентов. К примеру, в США в этой сфере трудился известный психолог, автор Тематического апперцептивного теста (ТАТ) Генри

Мюррей. Основные усилия психологов, по его мнению, должны направляться на то, чтобы исключить из контингента разведчиков душевнобольных, а также людей раздражительных, медлительных, ленивых, плохих актеров и болтунов, и на то, чтобы оценить способность человека выдерживать оказываемое на него давление, быть лидером, его устойчивость к спиртному, способность умело лгать и определять характер людей по внешним проявлениям.

Штатный психолог ЦРУ Джон Гиттингер создал для оценки психологической надежности сотрудников отдела стратегических служб специальный тест системной оценки личности (СОЛ), который позже распространился во многих профессиональных сферах. Дж. Гиттингер писал, что его система позволяет определять основные расхождения между тем, как личность воспринимается, и тем, что в действительности она собой представляет, т. е. расхождения, которые создают напряжение, конфликт и беспокойство. Вопреки академической психологии, Геттинген рассматривал человека с помощью субтестов теста на интеллект Векслера, выявляя его слабости, и показывая способы его превращения в шпиона ЦРУ. После того как шеф Гиттингера Сид Готлиб и другие высокопоставленные руководители ЦРУ поняли, как можно использовать систему оценки личности, чтобы помочь оперативникам манипулировать агентами, они предоставили психологу время и деньги для усовершенствования этой системы под эгидой «Общества экологии человека». Дэвид Сондерс из Службы обучения тестированию, в компании, которая готовила экзаменационные вопросы для колледжей, нашел корреляцию между паттернами мозга (ЕЕО) и цифровыми результатами в тестах, что использовалась в других странах, поскольку Гиттингер и его коллеги понимали, что система подтестов Векслера культурально зависима. Сочетая аналитические методы с использованием разведывательных данных, составители оценок пытались дать

высокопоставленным лицам в США представление о том, что движет основными фигурами международной политики. Один из психологических портретов Фердинанда Маркоса позволил установить, что колоссальное личное обогащение филиппинского президента явилось естественным результатом традиций его страны, заключавшихся в том, что на первое место там ставится лояльность к своей семье и друзьям. Составители оценок из ЦРУ нашли, что шах Ирана был мегаломаньяком, проблемы которого были порождены властным отцом, унижением, связанным с тем, что ему пришлось быть марионеточным правителем, а также неспособностью в течение многих лет родить наследника мужского пола.

Психологи считают, что разведчика в ряду прочих должны отличать следующие личностные качества: феноменальная память, внимание к деталям, способность к языкам, знание практической психологии, храбрость, знание города и района действий, правовые знания, способность к перевоплощению, наблюдательность, знание приемов единоборств.

В США агенты, попавшие под подозрение, подвергаются тщательному тестированию с использованием полиграфа, фармакологических препаратов, гипноза и др. Для этого, как правило, создаются специальные группы, включающие психиатра, специалиста по полиграфу (детектору лжи), обученного гипнозу, и техника.

В последнее время органы разведки идут по пути создания собственных психологических служб. Перечень задач, решаемых военной психологией, постоянно расширяется. Например, ей не безразличны вопросы, связанные с парапсихологическими феноменами. Во многих странах мира периодически возобновляется исследование таких явлений, как телепатия (бесконтактная передача и восприятие мыслей и состояний между людьми), кожно-оптическое зрение (видение с помощью кожных покровов различных частей тела), ретроспекция (способность видеть прошедшие события), психометрия (получение информации о человеке по принадлежащему ему предмету), телекинез (мысленное воздействие на окружающие предметы), левитация (парение тела в воздухе без посторонней помощи), лозоходство (поиск объектов под землей с помощью лозы или специальных рамок), дистанционное воздействие (суггестологическое внушение). Исследованием паранормальных явлений с разными задачами занимались Г.Айзенк, Н.П.Бехтерева, А.Н.Леонтьев, К.-Г.Юнг и другие.

Сама возможность паранормальных явлений не исключается современными теориями живой и неживой природы. Например, теорией голографического строения Вселенной, фотонной теорией и др. Однако исследования в этой области нередко являются спекулятивными, рассматриваются в качестве способа получения выгодных заказов, отличаются низкой результативностью. Возможно, дальнейшее развитие науки позволит открыть тайны некоторых необъяснимых сегодня явлений.

Исследования военных психологов в рассматриваемой сфере позволяют констатировать, что есть люди (чаще это смешанные типы по классификации И.П.Павлова), которые обладают более выраженными интуитивными способностями, склонностью к предугадыванию событий, способностью тоньше чувствовать изменение свойств среды.

Таким образом, медико-психологическое обеспечение специальных операций и её важнейшей составляющей военной разведки – это область специального научного знания и практики, нацеленная на исследование психологических особенностей совместной боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности.

Рекомендованная литература

1. Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах. – М.: ВУ, 1998. – 194 с.; С. 62–109.
2. Решетников М.М. Психология войны: от локальной до ядерной. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2011. – 480 с.
3. Захариас Э. М. Секретные миссии. – М.: Воениздат, 1959.
4. Маркс Дж. ЦРУ и контроль над Разумом. Тайная история науки управления поведением человека. В поисках «маньчжурского кандидата», 1991.

Глава 1. История создания войск специального назначения

§ 1. История создания спецназа в США

Свою историю американские войска специального назначения ведут с эпохи англо-французских войн середины XVIII в. за обладание французскими территориями в Северной Америке. Именно тогда, как считается, родились отряды хорошо подготовленных профессиональных воинов, способных действовать на сложнейшей местности в лесах и на болотах против опасного, коварного врага. В честь своего командира майора Роберта Роджерса эти отряды именовались рэйджерами Роджерса. Скрытно и бесшумно рэйджеры приближались к врагу и наносили ему молниеносный смертельный удар. Роджерс учил своих бойцов: «Двигайтесь быстро и бейте сокрушительно».

Традиции рейнджеров Роджерса были развиты в годы Американской революции (войны за независимость 1775–1783 гг.). История сохранила имя Фрэнсиса Мариона по прозвищу «Болотная лиса», успешно применявшего в боях с британскими войсками партизанскую тактику, действовавшего смело, неожиданно, внезапно.

Партизанские действия широко применялись в годы гражданской войны в США (1861–1865 гг.). Полковник Джон Мосби из Вирджинии сформировал в составе конфедеративных войск специальный отряд рейнджеров, который сеял ужас и панику в тылу северян. С отрядом в 300 смельчаков-добровольцев Мосби проводил дерзкие рейды по тылам противника, перерезал пути коммуникаций, выводил из строя железнодорожные линии, громил вражеские штабы далеко за линией фронта. За свои успешные действия, неуловимость и военное чутье Мосби получил от современников прозвище «Серый призрак» (серый цвет имела форма солдат войск южан). Как отмечается в истории войск специального назначения США, «действия хорошо обученного и дисциплинированного отряда Мосби явились образцом партизанской войны». Одним из ключей к успеху сам Мосби считал поддержку местного населения, делясь с ним даже своими военными трофеями.

Гражданская война явилась последней войной США на своей территории, и с тех пор американские войска участвовали в войнах и вооруженных конфликтах только за пределами своего отечества. Официальная история войск спецназначения сухопутных войск США обходит молчанием долгие последующие годы вплоть до второй мировой войны.

Во второй мировой войне и в последующие годы фактически и произошло рождение и развитие современных войск специального назначения США. Они получили боевое крещение и организационное оформление. 9 июля 1942 г. в Форт-Харрисоне в Монтане был организован сводный американско-канадский 1-й отряд специального назначения, вошедший в американскую военную историю как «Дьявольская бригада». Он просуществовал два года, отличившись в боях в Италии и во Франции, неоднократно ведя бои с превосходящими силами противника и выходя победителем.

В военных действиях с японцами на Тихоокеанском ТВД в годы второй мировой войны ярко проявили себя бойцы небольшой элитной части; созданной генерал-лейтенантом Уолтером Крюгером и названной им «Скаутами Аламо». Это название не было случайным.

У.Крюгер дал его своим воинам в честь американских защитников крепости Аламо в Сан-Антонио, штат Техас, в годы войны с Мексикой (1846–1848 гг.). Одной из самых успешных операций «Скаутов Аламо» явилась операция, проведенная совместно с американскими рейнджерами и филиппинскими партизанами по освобождению из концлагеря в Кабантуане

511 союзных военнопленных. «Скауты» принимали участие в 80 операциях и не потеряли в боях ни одного человека.

Помимо вышеперечисленных элитных подразделений и частей специальных операций в годы второй мировой войны действовали и многочисленные партизанские и полупартизанские формирования, созданные с помощью американских «спецназовцев». Полковник Рассел Вольк-ман, сыгравший впоследствии важную роль в создании специальных сил, в годы войны попал в плен, бежал из него и сформировал филиппинский партизанский отряд, который к 1945 г. включал в себя пять более мелких отрядов. Свое собственное партизанское соединение численностью более 20 тыс. бойцов создал на Филиппинах майор Уинделл Фертинг.

В годы второй мировой войны возникли еще одни части и подразделения специального назначения в составе американских войск. Это были небольшие парашютные подразделения, действующие за линией вражеского фронта, создающие агентурную разведывательную сеть, инструктирующие местных бойцов сопротивления и ведущие непосредственную партизанскую борьбу с противником. Эти подразделения были очень специфическими и объединялись в единое Управление стратегических служб (УСС). Отцом-основателем УСС был Уильям Донован – яркая и одаренная личность. Прозванный «Диким Биллом», Донован был удостоен

Медали Почета за героизм, проявленный на Западном фронте в годы первой мировой войны. Он сколотил состояние в 20-30-е годы, занимаясь юридической деятельностью на Уолл-Стрит. С началом второй мировой войны в Европе Донован смог убедить президента США Ф.Рузвельта в необходимости создания новой организации, которая могла бы заниматься сбором разведывательной информации и ведением секретных операций в тылу врага.

В 1941 г. президент Рузвельт поручил Доновану сформировать такую организацию, названную «агентством по координации разведки». Новая организация начала быстро развиваться, появились ее оперативные центры в Англии, Северной Африке, Индии, Бирме и Китае: В 1942 г. «агентство по координации разведки» было переименовано в Управление стратегических служб, а сам Донован стал генерал-майором. Важнейшей задачей УСС в Европе было выполнение так называемой миссии «Джедбург». Ее суть состояла в воздушной заброске в оккупированные европейские страны – Францию, Бельгию, Голландию – малочисленных групп разведчиков-профессионалов, которые занимались подготовкой и обучением партизан и сами проводили партизанские операции в тылу нацистов. Другой успешной операцией УСС явилась деятельность в Бирме «отряда 101». Американские профессионалы организовали на базе племени качин вооруженное формирование численностью 11 тыс. человек, которое уничтожило в общей сложности 10 тыс. японских оккупантов, потеряв при этом всего 206 своих членов.

После войны президент США Г.Трумэн упразднил УСС, однако, на организационной и оперативной основе этого управления родились 18 сентября 1947 г. – ЦРУ.

В 1952 году американцы создали соединение спецвойск численностью 2500 человек. Основная задача: ведение партизанской войны в случае советского вторжения в страны Западной Европы. Это были «тройные» добровольцы, те, кто пошел служить в армию, затем в ВДВ, потом в спецназ. Стажировку офицеры «зеленых беретов» проходили в САС (с середины 60-х годов – база Хефорд в Англии). Естественно, кроме ведения партизанской войны они готовились к борьбе с партизанами в третьих странах. Принципы ведения войны были просты и эффективны: засады, диверсии (в большие сражения не вступать), инфильтрация (тихое «просачивание», но не открытая агрессия), дезорганизация и истощение противника. Среди боевых задач было разрушение инфраструктуры, лишение армии тыла, отвлечение с фронтов и основных мест дислокации частей, техники, вызывание паники и недовольства населения. В 1961 г. «зеленые береты», прибыли во Вьетнам. Их операции сами по

себе были эффективны, однако командование США не учло внутреннюю обстановку внутри самого Вьетнама. В Южном Вьетнаме местное население не оказывало помощи американскому спецназу. Отсутствие контактов с местным населением, большие перелеты, отрыв от баз и отсутствие постоянной поддержки, привело к тому, что хотя «зеленые береты» и нанесли болезненные удары, но стратегического перелома в войне они не принесли. В середине 60-х гг. силы спецназначения быстро выросли с 1800 человек до 10 000. Понизился средний возраст солдат: от опытных мужчин после тридцати лет – до двадцатилетних юнцов. Можно иметь отряд высококлассных специалистов какого-то профиля, но нельзя довести количество бойцов до масштабов крупного соединения без падения качества. Таким образом, «зеленые береты» превратились в части «коммандос».

Пока сокращались сиениодразделения в США, разразился террористический кризис 70-х годов. В 1977 году начальник штаба генерал Бернард У. Роджерс одобрил план набора и подготовки солдат в «Дельта Форс» (группа «Дельта»). С тех пор группа «Дельта» претерпела многие изменения.

Командование сил специального назначения сухопутных войск США, основной боевой компонент командования специальных операций сухопутных войск США, было официально учреждено 27 ноября 1990 г. В его состав входят пять групп специального назначения регулярной армии и две группы специального назначения национальной гвардии. По мнению американского командования, солдаты сил специального назначения сухопутных войск – «зеленые береты» – являются наиболее подготовленными и обученными военнослужащими, составляющими элиту американской армии.

Основателями нового рода войск в сухопутных войсках США – войск специального назначения – стали сотрудники УСС полковники Аарон Бэнк и Рассел Волькманн, которые заручились поддержкой бригадного генерала Роберта Макклэра, **возглавлявшего в Пентагоне аппарат психологической войны**. Американские офицеры-разведчики считали, что *с окончанием второй мировой войны в некоторых регионах мира сложилась ситуация, исключающая ведение в них обычной войны, но создающая идеальные условия для партизанских действий. Одним из таких регионов они называли Восточную Европу*. Маленькая группа высокопрофессиональных военнослужащих, по их мнению, могла бы доставить огромное количество неприятностей врагу, внести в его ряды смятение и гарантировать достижение целей военной операции или войны минимальными силами.

Вскоре идея Бэнка и Волькманна нашла поддержку американского военного командования, процесс создания войск специального назначения начал набирать силу. Весной 1952 г. в качестве главной базы для этих войск был выбран Форт-Брэгг в Северной Каролине. Бэнк получил право набирать в свои части тех, кто наиболее подходил по своим профессиональным и моральным качествам. *В основном это были молодые воины в ранге сержанта, владеющие минимум двумя языками, имеющие парашютную подготовку и желающие выполнять свой долг глубоко в тылу противника, если надо, то и в гражданской одежде. Очень большой процент этих военнослужащих составляли выходцы из стран Восточной Европы*.

19 июля 1952 г. официально была учреждена 10-я группа специального назначения из 10 человек по главе с Бэнком, которая и начала вскоре набор и подготовку бойцов «спецназа». Им была поставлена задача: готовить специалистов, способных «просачиваться по суше, морю или воздуху в глубь оккупированной противником территории и организовать силы сопротивления «партизанские силы для проведения специальных операций с упором на партизанскую войну». С самых первых дней Бэнк и его помощники ориентировали бойцов «спецназа» на то, что им придется жить месяцами, а то и годами на враждебной территории и полагаться во всем только на себя.

Дальнейшее усиление войск специального назначения связано с именем президента США Дж. Ф. Кеннеди, который был активным их сторонником. Именно он, кстати, ввел 21

сентября 1961 г. в качестве отличительного знака войск специального назначения сухопутных войск США зеленый берет. В специальном меморандуме Белого Дома зеленый берет был назван *«символом превосходства, знаком мужества, отличительной меткой в борьбе за свободу»*.

Идеи избранности, превосходства, уверенности в себе и в правоте своего дела, гордости за свой род войск проходят красной нитью через всю морально-психологическую подготовку «зеленых беретов».

Именно в этих целях в войсках специального назначения армии США уделяют большое внимание изучению истории и традиций "спецназа".

Предмет гордости каждого солдата и офицера из состава частей «зеленых беретов» – нарукавная нашивка и эмблема, являющиеся символами принадлежности к элите американской армии.

Нарукавная нашивка военнослужащих войск специального назначения сухопутных войск представляет собой темно-синее поле в виде наконечника индейской стрелы, что символизирует собой **хитрость и скрытность** – достоинства американских индейцев. Поднятый вверх золотой кинжал в этом поле символизирует собой **нетрадиционные боевые задачи**. Три золотые молнии, пронизывающие лезвие кинжала **свидетельствуют о быстрой и силе, символизируя три способа инфильтрации: по суше, морю и воздуху**.

Эмблемой войск специального назначения является черно-серебряный герб с латинской надписью «*De oppresso liber*» (**«За свободу угнетенных»**).

Особое значение в морально-психологической подготовке «зеленых беретов» имеет Кодекс поведения солдат специальных войск, своего рода **клятва «спецназовца»**, где сформулированы основные моральные принципы и политические установки бойца: *«Я – солдат американских специальных войск! Профессионал! Я буду делать все, что моя нация требует от меня. Я – доброволец, хорошо осознающий весь риск моей профессии»*.

Я служу, помня о тех, кто был до меня: рэйджерах Роджерса; Фрэнсисе Марионе; рэйджерах Мосби; 1-м отряде специального назначения; воинах, участвовавших в миссии Джекбург; «отряде 101»; солдатах специальных войск эпохи войны во Вьетнаме, которые удостоились 17 медалей Почета и 90 Крестов за выдающуюся службу. Я клянусь всегда и во всем поддерживать их честь и достоинство.

Я – профессиональный солдат. Я буду обучать и сражаться всегда, когда моя нация потребует (от меня) дать свободу угнетенным. Я буду всегда стремиться к отличным результатам в освоении теории и приемов войны.

Я знаю, что от меня потребуют выполнять задачу в одиночку, далеко от знакомых лиц и голосов. С помощью и под водительством моего Бога я преодолю мои страхи и добьюсь успеха.

Я буду поддерживать мой дух и тело чистыми, готовыми к действию, сильными, ибо это – мой долг перед теми, кто полагается на меня.

Я никогда не подведу тех, с кем я служу. Я не принесу позора на себя или на свои войска.

Я буду поддерживать себя, свое оружие и оборудование в безукоризненном состоянии, как то подобает солдату специальных войск.

Моя цель – добиться успеха в любом задании – и жить, чтобы добиться успеха вновь.

Я – член избранного солдатского братства моей нации.

Бог свидетель, что я оправдаю оказанное мне доверие и не нарушу эту мою священную клятву».

Важное место в системе морально-психологической подготовки личного состава войск специального назначения отводится религии. Любые воинские церемонии в американских

вооруженных силах не обходятся без выступления священника, который своим напутствием дает военнослужащим моральные силы и веру. Веру в себя, свою армию, свою страну. Большой эмоциональный заряд содержится в **Молитве солдата специальных войск**:

«Всемогущий Бог, Дарователь свободы и Опора угнетенных, услышь нашу молитву.

Мы, солдаты специальных войск, признаем нашу зависимость от Тебя в деле сохранения свободы человека. Будь с нами в деле защиты беззащитных и освобождения поработанных.

Пусть же мы всегда будем помнить, что наша нация, чей девиз «В Бога мы верим», ждет от нас, что мы будем вести себя достойно, никогда не опозорим нашей веры, свои семьи и своих братьев по оружию.

Даруй нам мудрость Твоего разума, мужество Твоего сердца, силу Твоих рук, защиту твоих ладоней. Во имя Тебя мы сражаемся, Тебе принадлежат лавры победителя. Тебе принадлежат Царство, мощь и слава, вечно».

Таковы только некоторые, далеко неполные штрихи к оценке морально-психологического облика американских «зеленых беретов». Опыт прошлого и день сегодняшний показывает, что они – важный специфический компонент военной машины США, способный своими действиями активно влиять на военно-политическую обстановку в различных регионах мира.

За послевоенные десятилетия войска специального назначения американской армии принимали участие во множестве операций, как в войнах, так и в мирное время. Они формировали партизанские отряды в Корее и во Вьетнаме, обучали моджахетдинов Афганистана, выполняли разведывательные и иные задачи в Ираке и Кувейте. Поражает спектр задач, которые, решались за эти годы «зелеными беретами»: от лечения слона в зоопарке Кувейта до свержения неугодных правительств стран «третьего мира» (Цит по И.М.Попов, полковник, канд. ист. Наук, Журнал «Спецназ»).

§ 2. «Спецназ России»

Маврикий Стратег о славянах и антах VI в Н.Э.

«Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодою для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнутыми внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии). А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде...»

Первой национальной войной, в которой собственно и зародился такой вид боевых действий как специальные действия, является война между Россией и Швецией в 1700–1721 гг., известная под названием Северная война. Отсюда и нужно вести отсчет первого этапа в развитии специальных действий. *«На театре войны в России мы встречаем человека, гений которого не только сознал идею партизанской войны и то громадное значение, которое она может иметь, но который сумел более успешно и применить ее, чем то было на Западе. Мы говорим о Петре I.»*— так писал в своем исследовании «Партизанская война» в 1885 году тогда еще начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища полковник, впоследствии генерал-лейтенант Ф.К. Гершельман. Отечественная война 1812 года явилась началом второго этапа в развитии специальных действий. Инициатива использования частей регулярной армии в тылу французов для ведения партизанской войны в составе воинских формирований в Отечественной войне 1812 года, бесспорно, принадлежит командиру батальона Ахтырского гусарского полка подполковнику, впоследствии генерал-лейтенанту Денису Васильевичу Давыдову, ставшему командиром первого армейского партизанского отряда.

Основной метод ведения войны был так сформулирован М.И. Кутузовым:

«Поелику ныне осеннее время наступает, чрез что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо отдельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску».

Таким образом, при организации боевых действий русской армии был использован метод, сущностью которого являлось не сокрушение армии противника в открытом вооруженном столкновении в форме генерального сражения, и истощение и изнурение противника в форме постоянных нападений на него в его же тылу. Кроме уничтожения транспортов противника, партизанским отрядам ставятся и другие специальные задачи: освобождение военнопленных, поиск награбленных французами ценностей, уничтожение инженерных укреплений, вооружение и привлечение к партизанским действиям крестьян.

Основоположником российской теории применения войск в тылу противника со специальными задачами является генерал-лейтенант Д.В. Давыдов, издавший в 1822 году фундаментальный труд «Опыт теории партизанского действия».

В 1885 году выходит фундаментальный труд Ф.К. Гершельмана «Партизанская война», который применительно к дореволюционному военному искусству и поныне остается наиболее полным исследованием в области специальных действий в тылу противника. Ф.К. Гершельман впервые использует термин «операция» применительно к партизанским действиям и подчеркивает их роль в военных действиях: «Партизанская война, оставаясь сама по себе всегда вспомогательным, второстепенным средством стратегии, может дать решительные результаты и проявить все то значение, которое может принадлежать известному средству стратегии, только, понятно, при условии решительно, энергично веденных главных операций и при неременном условии постоянного и строгого согласования партизанских операций с главными, при полной гармонии тех и других».

В послереволюционный период спецоперации рассматривались в качестве «малой войны» или «партизанской войны» (Фрунзе М.В., Дробов М. А., Каратыгин П.А., Звонарёв К.К. и др.).

Началась интенсивная подготовка специально отобранных военнослужащих и целых подразделений к действиям в тылу противника со специальными задачами. Собственно подготовка кадров к ведению партизанской войны не прекращалась с гражданской войны. К 1932 году существовало три учебных школы, где готовили специалистов по ведению партизанской войны: две школы при IV (разведывательном) Управлении штаба РККА и одна при ОГПУ. Однако в июне 1937 года высшие военные руководители, допуская возможность ведения боевых действий на территории СССР, в приказе Наркома обороны Маршала К.Е. Ворошилова о «Раскрытии Наркоматом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации в РККА» были обвинены в том, что «пытались подрвать мощь Красной Армии и подготовить ее поражение в случае войны». Боевая практика советско-финской войны в 1939 году заставила Разведывательное управление Ленинградского военного округа предпринять попытку формирования нештатных разведывательно-диверсионных подразделений, предназначенных для действий в тылу противника. Однако вследствие поспешной подготовки, недостаточного вооружения и снаряжения значительная часть диверсионных групп погибла от холода, более трети групп попали в плен. Однако теория и практика советского военного искусства накануне Великой Отечественной войны перестала рассматривать партизанские, диверсионные или иные специальные действия в тылу противника как важную составную часть вооруженной борьбы. Вместе с тем, форма применения немецких сил и средств со специальными задачами в тылу советских войск в первые часы войны имела признаки диверсионного удара по государственным и военным линиям связи и управления. Для ведения диверсионных действий в 1940 году в составе вермахта был сформирован специальный диверсионный полк «Бранденбург» (в документах – 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург»). Организация партизанских действий в тылу немецких войск советским политическим руководством с началом войны рассматривалась в основном не как задача вооруженных сил, а как одна из задач партийных и советских органов. Резко негативное отношение высшего военно-политического руководства страны к судьбе военнослужащих, попавших в плен, нежелание принять эффективные меры к их освобождению позволили немецкому командованию содержать в лагерях на оккупированной советской территории многие сотни тысяч солдат, офицеров и генералов Красной Армии. Задача освобождения своих военнопленных в нарушение традиций русской армии вообще не рассматривалась как задача вооруженных сил. В целом Великая Отечественная война показала огромное значение специальных действий в тылу противника на ход и исход вооруженной борьбы. Анализ развития форм специальных действий различных сил и средств в тылу противника позволяет сделать вывод: специальные действия в тылу противника в стратегическом масштабе советскому военно-политическому руководству удалось организовать лишь к июню 1943 года, т. е. через два года войны. Специальные

действия велись в основном партизанскими иррегулярными формированиями. Группировка партизанских сил включала партизанские бригады (соединения) и отдельные партизанские отряды и группы. Специальные действия в тылу противника вели также разведывательные органы фронтов и армий, кавалерийские, воздушно-десантные, инженерные соединения и части, а в завершающем периоде войны и мотоциклетные части. К выполнению некоторых специальных задач привлекались общевойсковые и танковые объединения, соединения и части. Специальные действия велись в основном партизанскими иррегулярными формированиями. Группировка партизанских сил включала партизанские бригады (соединения) и отдельные партизанские отряды и группы. Специальные действия в тылу противника вели также разведывательные органы фронтов и армий, кавалерийские, воздушно-десантные, инженерные соединения и части, а в завершающем периоде войны и мотоциклетные части. К выполнению некоторых специальных задач привлекались общевойсковые и танковые объединения, соединения и части.

За время после второй мировой войны мы проиграли: 45-летнюю глобальную «холодную войну» с Соединенными Штатами Америки; 9-летнюю региональную «необъявленную войну» в Афганистане; военным поражением завершилось «наведение конституционного порядка» в Чечне. Суть войны не изменилась. Война, по-прежнему, как и во времена К. Клаузевица, есть «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить вашу волю». Изменения произошли в содержании войны и способах достижения цели. В настоящее время из всей совокупности существенных признаков войны именно переход к применению средств вооруженного насилия рассматривается у нас как отличительный единичный признак понятия «война». В результате за пределами отличительных признаков войны остались другие области, или **формы насилия – информационное, культурологическое, экономическое, финансовое, идеологическое и другие, используемые для достижения решительных военно-политических и иных целей без применения прямого вооруженного насилия.** Знание (информация) заменяет силу в качестве критерия естественного отбора. Направленность знания (информации) определяется нравственностью. Уровень знания (информации) – образованием. **Способность к реализации знания (информации) – психическим состоянием.** Виды действий по лишению противника способности к ведению борьбы по своей сути разнородны, поскольку имеют объектами своего непосредственного воздействия не только собственно военный, но и политический, экономический, информационный, научно-технический, моральный, культурологический, демографический и экологический потенциалы противника. Совокупность действий по сокращению этих потенциалов относится ко второму методу достижения целей, к области специальных способов ведения войны. При этом под культурологической борьбой понимается насильственное воздействие (противодействие) с регрессивными или прогрессивными целями в области науки, образования, воспитания, искусства, национального языка, традиционного вероисповедания и уклада жизни.

§ 3. Спецназ ГРУ ГШ ВС РФ

Спецназ ГРУ – это отряды спецназа, которые действуют под руководством Главного разведывательного управления. Фактически, спецназ ГРУ – это спецназ Вооруженных сил России, и он состоит из армейского спецназа и спецназа флота. Каждая из этих команд формировалась независимо друг от друга, имеют свою историю и свои задачи при проведении специальных операций. Главными причинами, по которым началось формирование данных соединений в Советском Союзе – это появление на вооружении стран НАТО мобильных средств ядерного нападения. Ну а группы спецназа были наиболее эффективным способом борьбы с ними. В задачи спецназа ГРУ в сто время входило ведение дальней разведки и уничтожение при необходимости выявленных мобильных средств ядерного нападения, выявление сосредоточения войск противника в его тылу, проведение диверсий, а также при необходимости организация в тылу противника партизанских отрядов.

В числе прочих задач было нарушение связи, электроснабжения, разрушение транспортных узлов, внесение хаоса в военное и государственное управление страны. При том, что многие из поставленных задач были невероятны, спецназ ГРУ мог решать их весьма эффективно. Все благодаря тому, что перечень технических средств и вооружений, имевшихся в распоряжении бойцов был весьма широк – вплоть до портативных ядерных мин. Боевая подготовка бойцов спецназа проходила по индивидуальным программам и была очень интенсивной. На трех-четырех солдат приходился как правило один офицер. Под таким присмотром за два года солдат становился практически суперменом. Ну а подготовка самих офицеров порой достигала такого уровня, что они могли самостоятельно решать такие по сложности задачи, которые были бы под силу только общевойсковым подразделениям. В результате подразделения спецназа были строго засекречены, причем даже больше, чем ядерные силы СССР. Также изначально одной из самых важных задач спецназа ГРУ было уничтожение известных политических и военных деятелей стран-противников, но в дальнейшем эта задача была убрана.

Развитие спецназа ГРУ в СССР и России можно разделить на несколько этапов. Первый этап – 1950–1960 года – время непосредственной организации рот и батальонов спецназа ГРУ. Второй этап – 1961–1979 – создание бригад и учебных заведений по подготовке новобранцев. Третий этап – 1979–1989 – участие групп спецназа ГРУ в войне в Афганистане. Четвертый этап – 1989–1994 – переходный период, связанный с развалом СССР и образованием новых государств. Пятый этап – 1994–1996 – Первая чеченская кампания. Шестой этап – операции в Дагестане, вторая чеченская кампания.

Литература

1. Вуич И.В. Малая война. – С.-Петербург, 1850.
2. Гершельман Ф.К. Партизанская война (исследование). – М.-Петербург, 1885.
3. Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия. – М., 1822.
4. Дробов М.А. Малая война (партизанство и диверсии). – М., 1931.
5. Звонарёв К.К. Агентурная разведка. М., 1929.
6. Квачков В.В. Спецназ России. – М.: Военная литература, 2004.
7. Русский архив. Великая Отечественная.. – М., 1994.
8. Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная армия. – М., 1921.

§ 4 Концепция специальных операций по взглядам командования НАТО

В последнее время концепция специальных операций в США претерпела определенные изменения, вызванные, в первую очередь, прекращением глобального противостояния двух мировых систем. Значительный рост количества вооруженных конфликтов низкой интенсивности привел к определенному смещению акцентов в системе взглядов командования НАТО на боевое применение Сил специальных операций (ССО). По современным взглядам, термин «специальные операции» имеет следующее смысловое наполнение: **комплекс мероприятий по боевому применению сил специальных операций и предполагающий развертывание оперативных отрядов в районах боевого предназначения, а также органов обеспечения и управления – до или в ходе ведения вооруженной борьбы.** Специальные операции, в зависимости от складывающейся международной обстановки и целевых установок правительств вероятного противника, могут проводиться в виде:

- Разведывательно-диверсионных действий.
- Подрывных действий с использованием специальной тактики.
- Специальных действий.
- Действий по обеспечению внутренней безопасности иностранных государств.
- Обеспечивающих действий.

Разведывательно-диверсионные действия включают: добывание сведений о противнике, диверсии, определение координат целей, наведение авиации и корректирование огня артиллерии и ракетных войск, уничтожение подвижных и стационарных объектов ядерного оружия противника, ведение радиотехнической разведки и РЭБ и другие задачи. Основными способами решения разведывательно-диверсионных задач в тылу противника считаются: наблюдение, подслушивание (в том числе с использованием технических средств), поиск, засады и налеты, рейды, беспокоящие и штурмовые действия, террор, диверсии, саботаж, точное определение координат и целее-указания, шантаж, «снайперский отстрел», разведка боем, ведение радио– и радиотехнической разведки, РЭБ и др.

Подрывные действия с использованием специальной тактики проводятся в мирное и военное время на территории противника или в политически важных районах и, по взглядам руководства НАТО, предусматривают:

- саботаж (насильственные акции с использованием оружия, в том числе специального, с целью снижения оборонных возможностей государства, уничтожение людских, материальных и природных ресурсов);
- диверсии (подрыв внутренней политики государства, власти, экономики, морали, социальной психологии и вооруженных сил);
- действия по деблокированию и выводу войск из окружения;
- боевые действия силами иррегулярных войск.

Подрывные действия основываются на использовании партизанской тактики, заключаются в организации повстанческого и партизанского движения, освобождении военнопленных и заключенных, диверсиях и саботаже. Подрывные действия подразделяются на открытые, скрытые и тайные, осуществляются силами сопротивления и агентуры под руководством формирований специального назначения ССО. Саботаж и диверсии проводятся широкомасштабно и имеют целью нанесение максимального ущерба вероятному противнику и подрыв его военной мощи. Они предусматривают идеологические акции и практические подрывные действия, направленные на свержение существующего правительства (режима) и уничтожение важнейших элементов национальной инфраструктуры. Саботаж и

диверсии порождают страх, ослабляют противника, оказывая сильное психологическое воздействие на широкие слои населения, разобщают его.

Действия по деблокированию и выводу войск из окружения развертываются в тылу противника в ходе военной кампании и, в зависимости от обстановки, проводятся силами специальных операций с привлечением агентуры и формирований иррегулярных войск. Эвакуация личного состава частей и соединений может выполняться с использованием морских и воздушных транспортных средств. Те части и соединения, для которых воссоединение становится невозможным, должны стать организационным ядром иррегулярных сил.

Ведение войны силами иррегулярных формирований, развертывание (активизация) потенциала для ее ведения являются важнейшими задачами, решать которые призваны силы специальных операций. Потенциалом сопротивления западные специалисты считают представителей национальных меньшинств, проживающих в приграничных (приморских) с соседними странами или отдельных районах, а также недовольных и т. д.

Личный состав ССО, планируемый к заброске для ведения подрывных действий с использованием специальной тактики (как правило, побывавший в стране), проходит доподготовку, в ходе которой изучает особенности местных условий, инструктируется, сообщаются адреса, явки, пароли, места тайников и встреч, а также другие данные для взаимодействия с агентурой и силами сопротивления. На последние обычно возлагаются обязанности по приему, укрытию и обеспечению прибывающих диверсантов-разведчиков. Места расположения (базы) формирований сил специальных операций (в их составе два и более эмигранта – выходцев из местной среды) конспирируются и известны ограниченному кругу лиц.

Специальные действия включают выполнение разведывательных и диверсионных (на стратегических объектах) задач:

- захват (эвакуацию) образцов оружия, военной техники и документов;
- применение специального оружия (малогабаритные ядерные, химические и биологические боеприпасы, яды и наркотики);
- захват (репатриация) заложников, в том числе видных политических, государственных и военных деятелей;
- освобождение военнопленных и политзаключенных;
- ведение антитеррористической борьбы.

Специальные действия, как правило, предшествуют применению вооруженных сил, когда использование их «нежелательно или невозможно», и проводятся с санкции высшего органа государственной власти. Они выполняются оперативными формированиями сил специальных операций совместно с агентурой и силами сопротивления или только силами ССО.

Отдельные разведывательные задачи обычно выполняются на всю глубину театров военных действий с целью вскрытия (доразведки) намерений противника с последующим поражением целей силами авиации, артиллерии и ракетных войск; диверсионные задачи – на объектах, вывод из строя (уничтожение) которых влияет на ход и исход войны.

Стратегически важные объекты противника (АЭС, пункты управления, пусковые установки ракет стратегического назначения, объекты ПВО и ядерного оружия) предусматривается поражать специальным оружием, силами агентуры, путем ведения боевых действий иррегулярными силами или формированиями сил специальных операций.

Действия по обеспечению внутренней безопасности иностранных государств включают разведывательно-диверсионные мероприятия, подготовку вооруженных сил развивающихся государств, контрпартизанскую борьбу. Они предусматриваются договорами стран об оказании военной помощи. Действия по обеспечению внутренней безопасности иностранных государств, в том числе боевое применение частей и подразделений ССО, обычно осуществляются в полном объеме специально создаваемыми для этих целей смешанными формированиями сил специальных операций численностью 1000–1500 человек, а в ограни-

ченном масштабе – мобильными отрядами (несколько десятков военных советников и специалистов).

Обеспечивающие действия, с которых начинается проведение специальных операций, включают:

- ведение разведки в интересах сил специальных операций – так называемое разведывательное обеспечение специальных операций (развертываются органы разведки и боевого управления, подпольные сети);
- подготовку и формирование отрядов сопротивления (повстанческих, партизанских), создание складских запасов и оборудование тайников;
- добывание документальной информации (фото-, теле- и других материалов);
- инфильтрацию (внедрение на территорию противника или его объект; осуществляется по воздуху, наземным или водным путем, в ряде случаев требует применения самой сложной техники), эксфильтрацию (выход с территории противника, чаще всего с использованием вертолетов);
- боевое (авиационная поддержка боевых действий ССО) и тыловое обеспечение (создаются запасы оружия и средств МТО военного времени, предусматривается снабжение по воздуху), в том числе и медицинское (эвакуация раненых и больных осуществляется в любой обстановке, развертываются госпитали для партизан и повстанцев);
- психологическое воздействие (пропаганда, в том числе военная, скрытый и прямой террор, допрос пленных в целях формирования определенного стереотипа мышления и поведения);
- меры административного воздействия, включающие военную помощь, в том числе поставки оружия, и все мероприятия невоенного характера: организацию системы здравоохранения, образования и сферы культуры, санитарное обеспечение, помощь в области народного хозяйства, транспорта, местного самоуправления, контроля за населением и ресурсами.

Среди стратегических задач ССО особое внимание уделяется организации сопротивления, которое, по мнению руководства НАТО, окажет непосредственное влияние на развитие международной обстановки, а в конечном итоге – на ход и исход вооруженной борьбы. Согласно уставным положениям, эти действия (с санкции военно-политического руководства) могут осуществляться: в мирное время – на территории потенциального противника с целью дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, изменения политической ориентации и политического устройства иностранного государства; в военное время – на территории противника с целью подрыва его военного, экономического и морального потенциалов.

Под движением сопротивления понимаются организованные выступления населения, направленные на противодействие оккупационным войскам (партизанское движение) или существующему режиму (повстанческое движение). Движение сопротивления в странах порождается объективными и субъективными факторами под воздействием определенных условий и может быть активным и пассивным, проявляясь как в невооруженной, так и в вооруженной борьбе.

Невооруженной борьбой (организация антиправительственных выступлений, стачек, диверсий) достигается срыв политических, экономических и военных мероприятий противника.

Вооруженной борьбой, масштабы, формы и способы которой определяются силами специальных операций, достигаются конечные цели.

При полном развертывании движение сопротивления включает центральное руководство, подпольные организации, повстанческие и партизанские формирования, которые, по оценкам специалистов НАТО, находясь в тылу под контролем и руководством оперативных отрядов ССО, будут представлять реальную угрозу противнику.

Руководство НАТО сознает, что развернутому движению сопротивления должна предшествовать кропотливая работа по выполнению обеспечивающих мероприятий (действий, проводимых заблаговременно в мирное время).

Она включает непрерывное ведение разведки, активное решение организационных задач, меры административного и психологического воздействия. Личный состав ССО, перед которым стоит задача по развертыванию движения сопротивления, обычно засылается легально или нелегально на территорию противника или действует с территории третьей страны с целью изучения местных жителей и иностранцев, ведения вербовочной работы, создания агентурной сети и глубоко законспирированных подпольных организаций, осуществления теоретической и практической подготовки отдельных лиц (групп) к овладению способами внедрения (проникновения) на объекты, проведения диверсий, организации сбора разведывательной информации, к действиям в составе вооруженных отрядов, обращению с оружием и т. д.

Реформирование сил специального назначения

В этом разделе приводятся выдержки из доклада Фредерика Мосера (Frederic Moser) из Европейского центра стратегической разведки и безопасности (ESISC) «Islamism, Jihadism and counter-terrorism. Five years after 9/11», подготовленного к пятилетию 11 сентября 2001 года, касающиеся реформирования сил специального назначения.

Оказывается, только некоторые государства располагают сформулированными доктринами применения сил специального назначения. К ним относятся США, Великобритания, Россия, Франция и Израиль. Но с учетом непубличности этих документов оценивать их приходится по косвенным признакам.

Между тем ни ТТА 106, французский армейский справочник, ни его натовский эквивалент ААР-6 не дают определения специальных сил, хотя они и описывают, что такое специальные операции и силы специальных операций.

Силы специальных операций – это подразделение, состоящее из групп специально набранных агентов, предлагающих НАТО специальные возможности в областях специальной разведки, прямых акций и военной поддержки в выполнении трудных, опасных и иногда политически чувствительных операциях, проводимых на театре военных действий (ТВД).

Специальные операции – это военная деятельность, проводимая специально созданными силами, организованными, тренированными и экипированными для этой цели, использующими оперативную технику и методы, не схожими с конвенционными, обычными силами. Эта деятельность организуется через военные операции, независимо от обычных сил или координации с ними, для достижения политических, психологических или экономических целей.

Политические или военные условия могут привести к необходимости использования скрытых технических средств или такого уровня физического и политического риска, который несравним с обычными операциями. Эти операции используют маломасштабные или высокоспециальные модули для достижения целей высокой стратегической или оперативной ценности или для изменения соотношения сил.

Несмотря на отсутствие официальных определений, можно синтезировать те элементы, которые характеризуют силы специального назначения:

- скрытное действие;
- способность выполнять операции, которые приводят к тактическому или стратегическому преимуществу;
- специальное обучение и оборудование;
- высокая степень специализации;

- увеличенный уровень адаптируемости;
- мобильность и способность выполнять операции независимо;
- относительно небольшое количество бойцов;
- способность работать в трех средах (на земле, в воздухе и море).

Традиционные задачи сил специального назначения

Военное руководство США, вместе с несколькими авторами, видит задачи спецназа достаточно широко и полагает, что они должны быть в состоянии выполнить миссии различных типов:

- рейды и своевременные боевые действия;
- психологические операции, или Psy-ops;
- гражданские действия;
- обучение иностранных армий (т. н. «умножение сил»);
- поиск и вывоз пленников;
- медицинская помощь;
- получение разведывательной информации за линией фронта;
- идентификация и обозначение целей;
- антитеррористические операции.

Широкий спектр задач неминуемо влечет за собой увеличение числа бойцов, определяемых как «силы специального назначения». И главное различие концепций между США и Европой заключается в определении численности спецподразделений и миссий, для которых они предназначены.

Разница в концепциях – это результат, по крайней мере, разницы в определении самого терроризма. «Борьба с терроризмом, – говорит исследователь Institute for international and Strategic Relations (IRIS) в Париже – это для США реальная война, которая может привести к конфликту высокой интенсивности, тогда как все больше европейских стран исключают такую возможность. Стратегия безопасности ЕС в 2003 году определила борьбу с терроризмом как «предотвращение (в том числе полицией) возможных атак».

В армии США командование сил спецопераций (USSOCOM) отвечает за так называемые операции малой интенсивности, имея в своем распоряжении около 50 000 человек из трех родов войск – наземных, воздушных и морских. В то время как европейские (главным образом британская и французская) армии располагают намного меньшими по размеру подразделениями – 3А5, Commando Hubert, 13-м разведывательно-диверсионным полком и другими, предназначенными для более ограниченного спектра задач.

Определяя задачи бригады специальных наземных сил ВР5Т, которая включает также 13-й РДП, 1st RPIMA и подразделение легкой армейской авиации, Центр доктрин применения сил Французской армии, похоже, прекрасно осознал тщетность «утомляющих попыток делать то, что некоторые обычные силы вполне способны сделать на поле».

Между тем американские силы специального назначения включают в себя такие подразделения, как «зеленые береты» и рейнджеры, задачи которых в Европе вполне сравнимы, например, с функциями парашютно-десантных полков Иностранного легиона.

В Европе считается, что спецназу присущ более узкий спектр задач, в частности:

- сбор разведывательной информации за линией фронта;
- рейды по особо важным объектам (целям) и другие военные операции;
- организация и подготовка иностранных контрпартизанских сил и спецподразделений;
- борьба с терроризмом.

Французские военные специалисты в то же время рассматривают как основную задачу спецподразделений «оперативную и стратегическую разведку в глубине вражеской территории. Мобильность вместе с высокоточным оружием требует точной идентификации целей. Ведь техническая разведка дает только приблизительный результат».

Эволюция доктрины использования специальных сил

С 2001 года спецподразделения, направленные на борьбу с терроризмом, представлены в основном на двух театрах военных действий: в Афганистане и Ираке. Многие страны, такие как США, Франция, Великобритания, Канада, Польша, Новая Зеландия, Австралия и другие, послали достаточно крупные контингенты специальных сил в Афганистан. Французский спецназ действует в Афганистане в регионе Спин Болдак (Spin Boldak) на границе с Пакистаном. В Ираке британская Специальная авиадесантная служба – Special Air Service (SAS) провела многие операции, как, например, в июле 2005 года, когда 16 бойцов из Task Force Black (TFB) – секретного подразделения американского и британского спецназа, дислоцированного в Багдаде, уничтожило трех террористов, которые готовились к самоподрыву. И таких примеров можно приводить множество.

В США, USSOCOM претерпел «беспрецедентную трансформацию» превратившись за последние годы в воюющее командование с глобальной сферой ответственности в войне с терроризмом. При поддержке Конгресса и Пентагона USSOCOM нарастил мускулы: политическая поддержка позволила увеличить его ресурсы и штат, улучшить подготовку. В России Спецназ видит свою миссию в ориентации на войну с терроризмом, в частности против чеченцев и исламистских движений. Одно сомнительное изменение – это недавно принятое решение использовать их за рубежом.

Есть ли изменения в стратегии? Хотя спецподразделения широко задействованы в афганской кампании, и всеми признано, что они играют в ней главную роль, на этот вопрос приходится ответить отрицательно. «Если мы говорим об изменении доктрины использования спецназа, никто не может сказать, что появилась новая доктрина или хотя бы произошла модификация старых», – заявил Джозеф Хенротин, глава Департамента исследований в Centre for analysis and forecasting of international risks. По его мнению, пока принципы сохраняются прежние, ничего не меняется. Что еще хуже, появилось определенное размывание ролей (по крайней мере, в США) между спецподразделениями и другими подразделениями. Лучший пример – это все более тесные отношения между корпусом морской пехоты и USSOCOM. В 2003 году был даже создан совместный совет USSOCOM и морской пехоты: «Этот совет является форумом по обмену идеями между Объединенным командованием сил спецопераций (JSOC) и экспедиционными силами морской пехоты, чтобы продолжить диалог между Theater Special Operations Commands (TSOC) и офицерами экспедиционных сил морской пехоты для координации новых идей в области военной науки между USSOCOM и USMC».

Оперативное развитие

В то время, когда нет четкой эволюции в доктрине применения сил специального назначения, специальные характеристики афганского и иракского театра ВД – топография, природа сопротивления и т. п. – заставили американских командиров адаптировать их подразделения и тактику. Два изменения достаточно очевидны. Это наращивание численности сил специального назначения и создание малочисленных подразделений для поиска и задержания лидеров террористических групп.

Наращивание численности

Эти изменения наиболее заметны в американских вооруженных силах. Благодаря давлению администрации Буша, и в частности Дональда Рамсфельда, специальные силы сегодня играют все более важную роль в антитеррористических операциях и вполне могут в ближайшее время переместиться на главную роль в борьбе с терроризмом, продолжая быть поддержкой обычных сил.

Фактически это была настоящая «политическая победа» Дональда Рамсфельда (при президенте Буше), когда был одобрен его план увеличения численности спецназа на 14 тыс. человек, а бюджета до 7 млрд долларов в 2007 году. Некоторые обозреватели отмечают, что американские силы спецназначения сыграли преобладающую роль в свержении режима «Талибан» в Афганистане. В 2003 году Пентагон заявил о большой реформе специальных сил, увеличении бюджета и большей роли в глобальной войне с терроризмом. В последующие годы были предприняты шаги, направленные на передачу USSOCOM лидерства в борьбе с терроризмом.

Эта тенденция была продолжена и в дальнейшем, в том числе в официальных документах. «Силы специальных операций, – читаем мы в Пентагоновском Quadrennial Defense Review 2006, (что-то вроде путеводного справочника для вооруженных сил) – увеличат свои возможности проводить все более сложные и специализированные миссии, более длительные, непрямые и скрытые операции в политически сложном окружении и недоступных местах». Этот документ также предлагает реформы, в результате которых:

- батальоны спецназа будут увеличены на 15 %;
- подразделения психологической войны и гражданских дел получают дополнительно 3500 человек, то есть увеличатся на 33 %;
- возможности сил спецназа по отслеживанию целей высокой важности будут наращены за счет новых разработок технических средств;
- будут также увеличены возможности по проведению глобальных необычных и долговременных военных миссий;
- спецназ США будет способен обучать иностранные специальные силы в десятках стран одновременно, и т. д.

В то же время в Европе британский министр обороны также решил создать два новых подразделения спецназа, чтобы «ответить на вызовы времени». В апреле 2006 года министр обороны Джон Рейд подтвердил палате общин создание Special Forces Support Group (SFSG), элитного подразделения, дислоцированного в St. Athan и включающего в себя бойцов королевской морской пехоты, парашютного полка и полка королевских BBC. SFSG будет предоставлять дополнительную поддержку антитеррористическим подразделениям. За несколько месяцев до этого было создано еще одно специальное подразделение – Special reconnaissance Regiment. Даже ЗАЗ в начале 2004 года получил приказ увеличить численность на 80 человек и сформировать 5-й эскадрон для борьбы с «Аль-Каидой» и исламским терроризмом. Эта волна реформ, подобных которым не было за предыдущие 50 лет, стала возможной из-за увеличения бюджета спецназа, который достиг 1,5 млрд. фунтов стерлингов.

Во Франции закон о военной программе 2003–2008 гг. также обеспечил рост возможностей спецназа, «включая создание нового подразделения на уровне бригады». Создание нового подразделения в Канаде – Canadian Special Operations Regiment – добавляет новые возможности командованию Canadian Special Operations Command, так как оно дополнит уже существующее подразделение Joint Task Force Two (JTF-2). Последнее имеет опыт реальных боев, особенно в Афганистане. Таким образом, большинство стран, вовлеченных в глобальную войну с терроризмом, начали создавать новые подразделения спецназа.

Создание малых специализированных подразделений

Ощущая трудности в поимке лидеров террористов в Афганистане и Ираке, разыскиваемых обычными силами, разведывательные службы и силы спецназначения стали создавать объединенные малочисленные, секретные и особенно эффективные структуры, так называемые Целевые группы (Task Force). Таким образом были сняты барьеры между гражданскими и военными структурами для уменьшения временных потерь в реализации разведывательной информации до нескольких минут.

Task Force 121, например, была сформирована из сотрудников ЦРУ, отряда «Дельта», «морских котиков» и

BBC, и именно она нашла и арестовала Саддама Хусейна 13 декабря 2003 года. После такого успеха Пентагон подтвердил, что Task Force 121 была направлена и на другие цели в Афганистане, главные из которых Усама бен Ладен и Мулла Омар. Группа Task Force 145, которая заменила группы Task Force 626 и 121, получила задачу поймать Абу Мусаба аз-Заркауи, который в конце концов был убит 7 июня 2006 года. Для ареста Бен Ладена в ЦРУ еще в 1996 году было создано специальное подразделение Alec Station, но было распущено в 2005 году, после 10 лет существования.

Девальвация спецназа

Очевидный рост ресурсов спецназа, оправданный большим числом ТВД и постоянной природой войны с терроризмом, привел к тому, что может быть названо «растворением превосходства» («dilution of excellence»). Некоторые обозреватели в США и Европе критикуют эти изменения, утверждая, что это не смена доктрины, а потеря курса.

Существует вполне оправданный страх потери эффективности и снижения оперативных возможностей, что заставило SAS, например, отказаться от увеличения своей численности.

В США военное сообщество немонолитно, так как находится под давлением Госдепа и Пентагона. Однако некоторые эксперты, как, например, американский эксперт Филипп Койл, настаивают на «угрожающей» инфляции спецназа: «Американские силы специальных операций стали большими. Они теперь такие же по размеру, как вся канадская армия, – говорит Койл. – Проблема состоит в том, что, когда структуры становятся большими, в них все больше бюрократов и они теряют предпринимательский дух». Эрик Денесэ (Eric Denese), директор Французского центра исследований в области разведки (CF 2R), говорит о том же самом: «Назначая спецназ на миссии, которые могли быть совершенно спокойно выполнены Иностранным легионом, мы просто тратим впустую их высокий уровень специализации». По его оценкам, только несколько тысяч человек из 50 тыс. бойцов американских специальных сил дотягивают до стандарта европейских специальных сил: «Черные подразделения, как Delta Force, «морские котики» и секретные вертолетные подразделения – вот они способны осуществлять опасные, секретные миссии. Огромное число миссий, предназначенных для «зеленых беретов», которые являются частью специальных сил, по природе своей вполне обычные».

После падения «Талибана» в Афганистане, в котором SAS сыграл большую роль, командир SAS жаловался на плохое применение его подразделения, особенно после операции против лагеря, где укрылись члены «Аль-Каиды» и «Талибана». Он даже заявил, что «пехотный полк это сделал бы лучше». В то же время Дональд Рамсфельд страстно желал расширить роль, бюджет и задачи специальных сил, так же как их разведывательные возможности в войне с террором – в ущерб ЦРУ, что привело к некоторой напряженности

между двумя ведомствами. Приверженцы большей роли антитерроризма для вооруженных сил указывают на меньшие ресурсы ЦРУ – около 600–700 секретных агентов против 10-тысячной группировки специальных сил в Пентагоне. ЦРУ, с другой стороны, отвечает, что только у агентства есть агентура на местах и сотрудники, знающие языки и местные обычаи. ЦРУ также подчеркивает, что каждая из ее запланированных операций, даже если это является тайной, проходит через различные фильтры и уровни контроля, в пределах Агентства и вплоть до Совета национальной безопасности и даже Белого дома, что вряд ли возможно в случае операций, выполняемых вооруженными силами.

За прошедшие годы специальные силы стали обязательным инструментом не только в руках армейских командиров, но и для политических властей. Последние оценили их эффективность и мобильность: отправка этих войск или увеличение их присутствия на данном ТВД необязательно требует одобрения со стороны законодательных органов, общественного мнения и не становится центром внимания СМИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.